

Отзыв о романе Бориса Васильева «В списках не значился».

Работу выполнил Мерзляков Георгий, ученик 7 А класса «Гимназии №15» города Костромы.

У меня не было любимых произведений о войне. Правильнее было бы сказать, что я практически не читал книг на эту тему. Я мало читаю...

Недавно в театральной студии запланировали литературную гостиную на тему Великой Отечественной Войны. И мне достался отрывок из повести Бориса Васильева «В списках не значился».

Сама книга рассказывает о том, как молодой лейтенант, Николай Плужников, только что из учебки, попадает в гарнизон Брестской крепости 21 июня, накануне войны. Он сопротивляется фашистам, живет эти десять месяцев кровавой жизни крепости, борется, страдает и даже любит, погибает последним и сами фашисты отдают честь этому несломленному, истерзанному и уже слепому от темноты казематов неизвестному солдату, который «в списках не значился».

Даже просто читать книгу страшно, но когда осознаешь, что это происходило на самом деле, с живыми людьми – становится жутко. Немцы бомбили постоянно, а в перерывах между бомбежками включали свою агитацию, предлагая воду, свободу, жизнь... Сначала они обещали стереть защитников с лица земли, потом предлагали убить своих командиров и сдаться, а затем назвали их «Доблестные защитники крепости»! Гарнизон сопротивлялся так, что восхитился даже противник!!! Восхитился стойкостью и силой духа советских солдат.

«...и молчала крепость. Она молчала тяжело и грозно, измотанная круглосуточными боями, жаждой, бомбежками, голодом. И это молчание было единственным ответом на ультиматум противника.»

А потом немцы включили песню «степь да степь кругом». И знаете что сделали защитники? Они запели. Своими ссохшимися от жажды голосами из каждого подвала, расщелины, каземата где укрывались солдаты над крепостью зазвучала песня:

«Это есть наш последний и решительный бой»

«Они пели громко, так громко, как не пели никогда в жизни. Они кричали свой гимн, и гимн этот был ответом сразу на все немецкие предложения. Слезы ползли по грязным лицам, но они не стеснялись этих слез, потому что это были другие слезы. Не те, на которые рассчитывало немецкое командование.»

Их тела были истерзаны, но нельзя сломить тело, если не сломлен дух человека. И не только взрослых солдат. Сопротивлялись даже дети!!

Но по-настоящему страшно мне стало, когда я прочитал, что в крепости были дети. Семьи офицеров и те, кто бежал в крепость из города! «Тяжелый, густо насыщенный запахом пыли разложения пороховой дым вползал в подвалы. И дети уже не плакали, потому что в сухих глазах давно не было слез». Позже я выяснил, что офицерами было принято решение отправить детей и женщин в плен, тех, что уцелели. Увы, но большинство из этих малюток погибли через год – их расстреляли.

Но не смотря ни на что, «Крепость не пала. Крепость истекла кровью». И эта книга не о подвиге одного человека – Николая Плужникова. В его лице Борис Васильев рассказал о величайшей трагедии и величайшем торжестве силы духа и любви к жизни, к своей отчизне, к женщине, над смертью. «...Смертию смерть поправ»:

«У входа в подвал стоял невероятно худой, уже не имевший возраста человек. Он был без шапки, длинные седые волосы касались плеч. Кирпичная пыль въелась в перетянутый ремнем ватник, сквозь дыры на брюках виднелись голые, распухшие, покрытые давно засохшей кровью колени. Из разбитых, с отвалившимися головками сапог торчали чудовищно раздутые черные отмороженные пальцы. Он стоял, строго выпрямившись, высоко вскинув голову, и, не отрываясь, смотрел на солнце ослепшими глазами. И из этих немигающих пристальных глаз неудержимо текли слезы.

И все молчали. Молчали солдаты и офицеры, молчал генерал. Молчали бросившие работу женщины вдалеке, и охрана их тоже молчала, и все смотрели сейчас на эту фигуру, строгую и неподвижную, как памятник. Потом генерал что-то негромко сказал.

— Назовите ваше звание и фамилию, — перевел Свицкий.

— Я — русский солдат.

Голос позвучал хрипло и громко, куда громче, чем требовалось: этот человек долго прожил в молчании и уже плохо управлял своим голосом. Свицкий перевел ответ, и генерал снова что-то спросил.

— Господин генерал настоятельно просит вас сообщить свое звание и фамилию...

Голос Свицкого задрожал, сорвался на всхлип, и он заплакал и плакал, уже не переставая, дрожащими руками размазывая слезы по впалым щекам.

Неизвестный вдруг медленно повернул голову, и в генерала уперся его немигающий взгляд. И густая борода чуть дрогнула в странной торжествующей насмешке:

— Что, генерал, теперь вы знаете, сколько шагов в русской версте?

Это были последние его слова. Свицкий переводил еще какие-то генеральские вопросы, но неизвестный молчал, по-прежнему глядя на солнце, которого не видел.

Подъехала санитарная машина, из нее поспешно выскочили врач и два санитары с носилками. Генерал кивнул, врач и санитары бросились к неизвестному. Санитары раскинули носилки, а врач что-то сказал, но неизвестный молча отстранил его и пошел к машине.

Он шел строго и прямо, ничего не видя, но точно ориентируясь по звуку работавшего мотора. И все стояли на своих местах, и он шел один, с трудом переставляя распухшие, обмороженные ноги.

И вдруг немецкий лейтенант звонко и напряженно, как на параде, выкрикнул команду, и солдаты, щелкнув каблуками, четко вскинули оружие "на караул". И немецкий генерал, чуть помедлив, поднес руку к фуражке.

А он, качаясь, медленно шел сквозь строй врагов, отдававших ему сейчас высшие воинские почести. Но он не видел этих почестей, а если бы и видел, ему было бы уже все равно. Он был выше всех мыслимых почестей, выше славы, выше жизни и выше смерти.

Страшно, в голос, как по покойнику, закричали, завывали бабы. Одна за другой они падали на колени в холодную апрельскую грязь. Рыдая, протягивали руки и кланялись до земли ему, последнему защитнику так и не покорившейся крепости.

А он брел к работающему мотору, спотыкаясь и оступаясь, медленно передвигая ноги. Подогнулась и оторвалась подошва сапога, и за босой ногой тянулся теперь легкий кровавый след. Но он шел и шел, шел гордо и упрямо, как жил, и упал только тогда, когда дошел.

Возле машины.

Он упал на спину, навзничь, широко раскинув руки, подставив солнцу невидящие, широко открытые глаза. Упал свободным и после жизни, смертью смерть поправ.»

Сложно писать отзывы на такие книги. Их надо читать. Особенно нам, сейчас, тем кто боится фильма «Оно», но с цинизмом и легкостью лишает самого святого, жизни, другого человека. И, наверно, эта книга заставляет постоянно задавать один и тот же вопрос: «А я бы смог?»